

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЯПОНИИ В ЕВРАЗИИ

№ 43 / 2018

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2018

УДК 327([470+571:520]:4/5)
ББК 66.4(2Рос),9(5Япо),(051),4
Н49

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторы:

В.В. Нелидов, К. Кобаяси

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**;
К.А. Кузьмина; А.Н. Ларионова

Н49 **Нелидов, В. В.**

Сотрудничество России и Японии в Евразии : рабочая тетрадь № 43/2018 / [В. В. Нелидов, К. Кобаяси ; гл. ред. И. С. Иванов] ; Российский совет по международным делам (РСМД). – М. : НП РСМД, 2018. – 36 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6040388-6-4

В рабочей тетради детально представлены подходы России и Японии к многостороннему сотрудничеству в Евразии, дан анализ возможностей совместной деятельности в регионе. В заключении приводятся рекомендации по развитию российско-японского сотрудничества в Евразии, отвечающего взаимным интересам. При подготовке материалов отдельное внимание уделялось текстам официальных документов, выступлений и заявлений видных государственных деятелей обеих стран, ключевым публикациям ведущих аналитических центров России и Японии.

Российский совет по международным делам благодарит Д.В. Стрельцова и О.Г. Парамонова за экспертные комментарии по темам, обозначенным в рабочей тетради.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/paper43

© Авторы, текст, 2018

© Составление, оформление, дизайн обложки. НП РСМД, 2018

Содержание

Введение	4
Евразийская интеграция: взгляд России	8
Евразийская интеграция: взгляд Японии	15
Евразийское сотрудничество в сфере безопасности: Япония и ШОС	16
Евразийское экономическое сотрудничество: Япония и ЕАЭС	19
Перспективы регионального взаимодействия: цели и практические шаги	23
Внутренние и внешние вызовы и возможности	28
Выводы и рекомендации	31
Об авторах	34

Введение

С 2000-х гг. на пространстве Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов активно формируются различные институциональные структуры, включая Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и выдвинутую Китаем Инициативу Пояса и Пути (ИПП). Хотя Россия играет ведущую роль в двух из этих организаций (ЕАЭС и ШОС), на сегодняшний день большинство исследований по российско-японским отношениям было посвящено преимущественно двусторонним связям, и в них не рассматривались возможность взаимодействия стран в рамках многосторонних проектов и перспективы участия Японии в евразийских региональных инициативах.

Идея придать импульс участию Японии в евразийских региональных проектах возникла в конце 1990-х гг. в рамках концепции «евразийской дипломатии» (*ю:расиа гайко:*), которую в июле 1997 г. выдвинул Р. Хасимото, занимавший тогда пост премьер-министра страны. Он решительно выступал за «тихоокеанский подход» к Евразии, предусматривавший встраивание российско-японских отношений в более широкий контекст региональных институциональных и многосторонних структур¹. Как подчеркивал Р. Хасимото, укрепление взаимодействия Японии с евразийскими региональными инициативами может внести существенный вклад в развитие евразийско-тихоокеанского сообщества, простирающегося от Восточной Европы (России, Беларуси и т.д.) до Тихого океана (Кореи, Японии и т.д.), с возможной координацией усилий с другими крупными игроками, такими как Китай и Индия.

Однако данная инициатива не привела к какому-либо конкретному результату, поскольку исторически после 1945 г. внешняя политика Токио была лишена сколько-нибудь значимой региональной ориентации. Как отмечает С. Чугров, «японцы никогда ранее не испытывали потребности в признании своей страны со стороны Азии; столетиями доминировало убеждение: “Азию можно игнорировать”»². В эпоху Японской империи прозападно настроенное население активно поддерживало политический призыв «покинуть нецивилизованное пространство» слаборазвитых азиатских стран и «присоединиться» к клубу «цивилизованных» европейских государств (*дацуа ню:о:*). Во время Второй мировой войны Япония изменила этот курс и попыталась активизировать региональную внешнюю политику, что привело к объявлению «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания» (*дайто:а кё:эйкэн*). В соответствии с этой региональной доктриной Япония несет особую ответственность за защиту азиатских народов от «белых империали-

¹ Выступление на круглом столе перед представителями Ассоциации предпринимательских организаций Японии // Официальный сайт премьер-министра Японии и его кабинета, 24 июля 1997 г.
URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/hasimotosouri/speech/1997/0725soridouyu.html> (на японском языке)

² Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016 / [С.В. Чугров]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 64 с.

стов» и утверждение справедливого регионального порядка, основанного на принципах расового равенства и взаимного уважения. После безоговорочной капитуляции Японии в 1945 г. перед союзными войсками и последующей американской оккупации Токио, естественно, отказался от амбиций регионального лидерства и во внешней политике принял преимущественно двусторонний формат, который и сегодня подчеркивает асимметричный характер «патрон-клиентских» отношений, проистекающих из японо-американского договора безопасности.

Концепция «Евразии» так и не стала востребованной элитами и общественностью Японии, Токио в принципе не хватает какой-либо региональной внешней стратегии. Хотя японские политики часто говорят об усилении позиций страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, они зачастую имеют в виду укрепление двусторонних отношений между Японией и США или развитие двусторонних связей с дружественными Японии соседями. Возможно, наиболее наглядным примером в данном отношении является Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), которое первоначально замыслилось как инструмент укрепления экономических связей с США. В то время как японские элиты и широкая общественность, безусловно, не считают себя частью Евразийского региона, многие японцы не видят страну частью какого-либо региона вообще, включая Азию³.

Между тем, многостороннее сотрудничество в Евразии стало ключевым приоритетом современной российской внешней политики, хотя сама концепция «евразийской интеграции» является относительно новым явлением. Первым из высокопоставленных политиков о ней заговорил президент Казахстана Н. Назарбаев в 1994 г.⁴ Однако для России идея объединения обширного мультикультурного пространства Евразии отнюдь не нова, поскольку за столетия расширения государства на восток и юг были установлены языковые, культурные, экономические и социальные связи, которые постоянно укреплялись и в период существования Российской империи, и во времена советской власти. Даже после распада Советского Союза в 1991 г. и потрясений 1990-х гг. эти связи во многом сохранились, создавая основу для интеграционных усилий.

Более того, концепция России как «евразийской» державы являлась сквозной темой отечественной философской мысли на протяжении XX столетия, особенно в том, что касается «евразийства» – оригинального интеллектуального движения, родившегося в русском эмигрантском сообществе 1920-х гг. Отрицая исключительно европейский или западный характер русской культуры и цивилизации, «евразийцы» видели истоки своей доктрины в движении славянофилов XIX в., подчеркивавших самобытность и своеобразие русской (и, даже шире, православной) цивилизации, отличной от западноевропейской. В постсоветский период идея Евразии как не только

³ Ватанабэ Ё. Восприятие Азии японцами // Вестник Института культурных исследований Женского колледжа Аояма Гакуин. 2006. № 14. С. 37.
URL: <https://ci.nii.ac.jp/els/contents/110006245937.pdf?id=ART0008267162> (на японском языке).

⁴ Назарбаев Н. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. Москва, 1997. С. 41.
URL: <http://personal.akorda.kz/images/file/63719964b326ba366059337703ffb4ac.pdf>

географического региона, но и особой культурной, цивилизационной и, в конечном итоге, политической общности вновь возродилась с выдвинутым А. Дугиным концепции «неоевразийства» как геополитического проекта⁵. Хотя влияние евразийской и неоевразийской мысли на формирование концепции евразийской интеграции по-прежнему вызывает споры, очевидно, что идея общности, а не разделенности обширного евразийского пространства отвечает настроениям широкой общественности и находит понимание в политической мысли современной России.

В дополнение к тому, что истоки и основы интереса России к Евразии как ключевой концепции формирования ее внешней политики глубоко укоренены в интеллектуальной традиции и широких связях на общечеловеческом уровне, сохранившихся и после распада Советского Союза, недавние события на международной арене – от экономического и политического подъема Азии в начале XXI в. до ухудшения отношений России с Западом после украинского кризиса 2014 г. – также содействуют изменению ее внешнеполитических приоритетов. Доля ЕС в торговле с Россией в период с 2005 по 2017 г. сократилась с 52% до 42,2%, а доля стран АТЭС фактически удвоилась с 16,2% до 30,5%⁶.

По мнению президента Корейского института международной экономической политики (Korea Institute for International Economic Policy, KIEP) Ли Чжэ Ёна, в своем повороте на Восток «Россия, руководствуясь идеей «евро-тихоокеанского государства», стремится к расширению горизонтов сотрудничества на всем пространстве континента»⁷. Более того, по словам президента России В. Путина, для страны развитие Дальнего Востока является национальным приоритетом XXI в.⁸ В свете этого бывший посол России в Японии А. Панов отметил в 2013 г., что «только подъем дальневосточных регионов Российской Федерации в сочетании с последовательной, целенаправленной дипломатической активностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе может создать условия для утверждения России в качестве общепризнанной великой тихоокеанской державы»⁹.

Несмотря на такое развитие событий в Евразии, российско-японское сотрудничество в региональных инициативах остается минимальным. В данной рабочей тетради утверждается, что эта тенденция отчасти отражает инерционный стереотип действий, характерный для россий-

⁵ Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1998, 608 с.;
Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002, 144 с.

⁶ Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам за январь–декабрь 2017 г. // Федеральная таможенная служба России.
URL: http://customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=26531:-2017-&catid=51:2011-01-24-16-27-51&Itemid=1977

⁷ Ли Чжэ Ён Новая «северная политика» и корейско-российское сотрудничество // Валдайские записки № 76, октябрь 2017. С. 10. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22115>

⁸ Статья Владимира Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» // Официальный сайт Президента России, 8 ноября 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>

⁹ Панов А.Н. Интеграция России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Перспективы 2020 // РСМД, 2 апреля 2013 г. URL: <http://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-rossii-v-aziatsko-tikhookeanskiy-region-perspek>

ско-японских отношений, в которых Москва ориентируется на выстраивание взаимодействия на двусторонней основе, в то время как Токио фактически не располагает опытом, необходимым для начала практического сотрудничества на евразийских интеграционных площадках. Этот примат двустороннего взаимодействия в значительной степени обусловил общую направленность академических исследований российско-японских отношений в обеих странах. Хотя отдельные аналитические центры и специализируются на «евразийских» региональных событиях (в частности, Центр славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо и Центр исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку), исследовательские проекты по потенциальному взаимодействию Японии с евразийскими региональными объединениями не распространены как с российской, так и с японской стороны.

Евразийская интеграция: взгляд России

В первые два десятилетия XXI в. российскую стратегию евразийской интеграции можно охарактеризовать как поддержание сотрудничества в рамках различных частично пересекающихся интеграционных форматов при реалистичной оценке целей, возможностей и перспектив каждого из них. Хотя на Западе и звучат мнения, что эти действия вызваны ностальгией и желанием восстановить в той или иной форме Советский Союз¹⁰, в реальности дело обстоит иначе. Ни один из форматов, существующих в Евразии, участником которых является Россия (даже Союзное государство России и Белоруссии, хотя само его название и может ввести в заблуждение), не стремится к формированию и не движется в направлении формирования единого национального образования.

Первой интеграционной структурой, появившейся на постсоветском евразийском пространстве, стало **Содружество Независимых Государств (СНГ)** – международная организация, созданная в декабре 1991 г. в соответствии с Беловежским соглашением, в котором в то же время заявлялось о роспуске СССР¹¹. Содружество включает в себя все бывшие советские республики, за исключением трех прибалтийских государств, независимость которых была объявлена в 1990 г. и признана СССР в сентябре 1991 г., а также Грузии, которая официально прекратила свое членство в этой организации в 2009 г. Туркменистан и Украина являются ассоциированными членами (на данный момент последняя практически не участвует в работе организации).

Несмотря на то, что для организации сотрудничества в рамках СНГ было создано 84 органа¹², а государства-члены подписали ряд ключевых документов, в частности Устав Содружества Независимых Государств и Договор о создании Экономического союза (оба приняты в 1993 г.)¹³, организация не оправдала возложенных на нее высоких ожиданий. Многие подписанные соглашения остались по сути декларациями о намерениях, а выйти за их рамки не позволило отсутствие политической воли¹⁴.

О слабости СНГ как интеграционной структуры свидетельствует, в частности, и тот факт, что участие в 25-летнем юбилейном саммите в Бишкеке в сентябре 2016 г. приняли только семь из одиннадцати глав государств – постоянных и ассоциированных членов организации. Вместе с тем, столь низкая, казалось бы, эффективность организации не означает ее полного провала. Целью Содружества, как часто подчеркивается, была не интегра-

¹⁰ The Other EU. Why Russia Backs the European Union // The Economist, August 23, 2014.
URL: <https://www.economist.com/europe/2014/08/23/the-other-eu>

¹¹ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств 8 декабря 1991 г. // Государственный архив Российской Федерации. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml>

¹² Информацию о структуре органов Содружества Независимых Государств см. на официальном сайте Исполнительного комитета СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=11216>

¹³ Там же.

¹⁴ Иванова Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 6. С. 115.

ция, а «мирный развод» постсоветских республик. Поскольку эта цель была по большей части достигнута, движение к экономической интеграции в регионе осуществляется в рамках других форматов, в первую очередь ЕАЭС, а СНГ отходит от роли координатора интеграционных процессов и постепенно превращается в переговорную площадку. Это выражается в изменениях в структуре организации, согласованных государствами-членами на саммите в Бишкеке в 2016 г. Эти изменения направлены главным образом на сокращение бюрократических механизмов организации и снятие с нее функций, которые уже выполняются более совершенными и эффективными структурами евразийской интеграции¹⁵.

В то время как СНГ не смогло добиться значительных результатов в сфере интеграции, взаимодействие между двумя его членами – Россией и Беларусью в рамках **Союзного государства России и Белоруссии**, которое часто называют просто Союзным государством, оказалось более плодотворным. Вместе с тем, несмотря на свое название, Союзное государство не является государством как таковым и в настоящее время не стремится им стать. Союзное государство представляет собой главным образом инструмент развития двусторонних отношений между Россией и Беларусью и не играет весомой роли в многосторонней евразийской интеграции.

Другим институтом многостороннего сотрудничества, созданным государствами – членами СНГ, является **Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)**. Договор предусматривает коллективную оборону в случае внешней агрессии (Статья 4) и консультации «в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности» (Статья 2)¹⁶.

На фоне скромных результатов деятельности вышеупомянутых инициатив многостороннего сотрудничества самым успешным и передовым из всех интеграционных форматов на постсоветском пространстве является в настоящее время **Евразийский экономический союз (ЕАЭС)**. В состав организации входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан в мае 2014 г. и вступил в силу 1 января 2015 г.¹⁷ ЕАЭС заменил Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), основанное в октябре 2000 г., и Таможенный союз, созданный в 2007 г. Организация обеспечивает свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а ее государства-члены действуют как единое целое в сфере международной торговли.

Значимость ЕАЭС для отношений его государств-членов с третьими странами подтверждается подписанием в мае 2015 г. и вступлением в силу с

¹⁵ Инструмент развода: почему СНГ не может быть площадкой для интеграции // Sputnik, 19 сентября 2016 г. URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20160919/1029281543.html>

¹⁶ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126

¹⁷ Вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 1 января 2015 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2015-1.aspx>

октября 2016 г. Соглашения о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом¹⁸. Данный документ размером более 1300 страниц предусматривает немедленную отмену таможенных пошлин на 60% позиций товарной номенклатуры в торговле между двумя сторонами. Помимо этого, после переходного периода в 10 лет планируется аннулирование таможенных пошлин на фактически 90% товарных позиций. При подписании ожидалось, что заключение Соглашения поможет удвоить объем торговли между ЕАЭС и Вьетнамом и доведет его до 8–10 млрд долл., хотя определенные тарифные и нетарифные барьеры предполагалось оставить в силе¹⁹. За период с октября 2016 г. (вступления Соглашения в силу) до апреля 2017 г. объем торговли между ЕАЭС и Вьетнамом вырос на 28%; при этом экспорт из ЕАЭС увеличился на 22,4%, а импорт – на 41%²⁰.

Более того, ЗСТ с Вьетнамом, по-видимому, является лишь первым шагом в развитии сотрудничества ЕАЭС с третьими странами. По словам министра иностранных дел России С. Лаврова, на начало 2017 г. порядка 50 стран выразили заинтересованность в сотрудничестве с ЕАЭС, причем Египет, Иран и Монголия рассматривают вопрос об официальном членстве в Союзе²¹. В ноябре 2017 г. первый вице-премьер правительства России в то время И. Шувалов заявил, что ЕАЭС близок к подписанию соглашения о ЗСТ с Китаем²², а переговоры с Ираном и Сингапуром также близятся к завершению. Кроме того, он сообщил, что у ЕАЭС есть возможность начать переговоры по ЗСТ с «несколькими десятками стран»²³. В начале 2018 г. было объявлено о проведении в том же году переговоров по ЗСТ между Индией и ЕАЭС²⁴, а премьер-министр России Д. Медведев заявил, что ЕАЭС предстоит продолжить и по возможности завершить переговоры по созданию зон свободной торговли с Египтом, Ираном и Сербией²⁵.

Однако среди западных экспертов широко распространено мнение, что Россия при создании ЕАЭС стремилась стать доминирующей державой в группировке²⁶, а некоторые прямо называют Союз «всего лишь ширмой, которую Россия использует для достижения своих геополитических

¹⁸ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом вступит в силу 5 октября // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 19 августа 2016 г.
URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nael/news/Pages/19-08-2016.aspx>

¹⁹ Цветов А.П. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам // РСМД, 29 июня 2015 г.
URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shest-voprosov-o-zst-eaes-vietnam/?sphrase_id=69752

²⁰ Вьетнам – ЕАЭС: первые результаты // Regnum, 30 июня 2017 г. URL: <https://regnum.ru/news/2294862.html>

²¹ Сергей Лавров: Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС // Союзное вече, 25 января 2017 г.
URL: <https://souzveche.ru/articles/politics/35309/>

²² Шувалов: ЕАЭС близок к подписанию соглашения о ЗСТ с Китаем // Мир24, 17 ноября 2017 г.
URL: <https://mir24.tv/news/16278014/shuvalov-eaes-blizok-k-podpisaniyu-soglasheniya-o-zst-s-kitajem>

²³ Там же.

²⁴ Переговоры между Индией и ЕАЭС по ЗСТ начнутся в 2018 году, заявил торгпред // РИА Новости, 17 февраля 2018 г.
URL: <https://ria.ru/economy/20180207/1514123471.html>

²⁵ Медведев: ЕАЭС предстоит продолжить переговоры по ЗСТ с Индией и Израилем // Газета.ру, 2 февраля 2018 г.
URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2018/02/02/n_11122507.shtml

²⁶ Duchatel, M. et al. Eurasian Integration: Caught between Russia and China // European Council on Foreign Relations, June 7, 2016. URL: http://www.ecfr.eu/article/essay_eurasian

целей»²⁷. Вместе с тем, другие исследователи и политики, относящиеся к проекту ЕАЭС как положительно²⁸, так и отрицательно²⁹, отмечают, что ЕАЭС не только не дает России преимущества перед другими государствами-членами, но и нередко вынуждает Россию идти на невыгодные ей уступки, чтобы организация продолжала развиваться и дальше.

Более того, хотя по сравнению с другими интеграционными структурами на постсоветском пространстве ЕАЭС и выделяется своей эффективностью и успешностью, он тоже сталкивается с внутренними проблемами. Прежде всего, это хроническое невыполнение государствами-членами своих обязательств. При этом полномочия центрального исполнительного органа, Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), весьма ограничены и, среди прочего, не позволяют ей выйти за рамки обсуждения тарифов на переговорах с внешними партнерами, что значительно сокращает ее возможности по заключению двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Тем не менее главной проблемой, вероятно, является отсутствие политической воли государств-членов делегировать ЕАЭС больше полномочий по принятию решений в интересах интеграции. Хотя председательство России в Высшем Евразийском экономическом совете в 2018 г. и может придать новый импульс развитию ЕАЭС, нельзя гарантировать существование данного формата как значимой структуры интеграции в дальнейшем³⁰.

Вышеупомянутые инициативы многостороннего сотрудничества в Евразии сосредоточены на постсоветском пространстве и направлены главным образом на развитие связей, существовавших между государствами-членами после распада СССР. Однако другая достойная внимания структура, а именно **Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)**, географически охватывает гораздо большую территорию. ШОС берет свое начало от «Шанхайской пятерки», основанной в результате подписания в 1996 г. соглашения между Россией, Китаем, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном о мерах по укреплению доверия в решении приграничных вопросов. Со временем сфера задач Организации расширилась и включила развитие экономического сотрудничества, культурного и политического взаимодействия с уделением особого внимания укреплению безопасности, особенно в борьбе против «трех зол» – терроризма, сепаратизма и экстремизма.

В июне 2001 г. страны – участницы «Шанхайской пятерки» приняли в состав организации Узбекистан, что повлекло за собой ее переименование в Шанхайскую организацию сотрудничества. В июне 2017 г. полноправными членами ШОС стали Индия и Пакистан. Расширение состава ШОС

²⁷ Dragneva R., Wolczuk, K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House, Research Paper, May, 2017. P. 3. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf>

²⁸ Ramani S. Interview: Tigran Sargsyan on the Eurasian Economic Union // The Diplomat, October 18, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/interview-tigran-sargsyan-on-the-eurasian-economic-union>

²⁹ Libman A. Eurasian Economic Union: Between Perception and Reality // New Eastern Europe, January 9, 2018. URL: <http://neweasterneurope.eu/2018/01/09/8767>

³⁰ Бордачев Т.В. Что не так с евразийской интеграцией и как это исправить // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 14 ноября 2017 г. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/something-went-wrong/?sphrase_id=38928

и принятие в ее ряды государств, имеющих между собой существенные неразрешенные споры (между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем), а также широкий заявленный функционал (от взаимодействия в сфере политики и безопасности до культурного и экономического сотрудничества) ставят вопросы о ее эффективности и перспективах развития. Особую актуальность им придает то, что приоритетами России и Китая все больше становятся собственные проекты многостороннего сотрудничества – ЕАЭС и ИПП. Вот почему как российские, так и зарубежные эксперты согласны в том, что ШОС, несмотря на охват 60% территории Евразии и примерно половины мирового населения, будет играть в лучшем случае вспомогательную роль в более широкой системе многостороннего сотрудничества и являться скорее платформой для переговоров, нежели реальной интеграционной структурой³¹.

При анализе российской стратегии евразийской интеграции нельзя обойти стороной китайскую **Инициативу Пояса и Пути (ИПП)**. Особый интерес для России представляет та часть проекта, которая называется «Экономический пояс Шелкового пути» и связывает Китай с Европой через Центральную и Западную Азию, а также Ближний Восток. Беспрецедентный масштаб и сам характер инициативы (которая представляет собой не «традиционное» интеграционное объединение, а скорее амбициозную программу экономического сотрудничества и развития инфраструктуры) первоначально вызвали в российском экспертном сообществе неоднозначную и частично настроенную реакцию³².

Тем не менее Россия официально поддержала ИПП и уже в 2015 г. подписала с Китаем совместное заявление о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути³³. Усилия по сопряжению двух инициатив уже приносят конкретные плоды. В октябре 2017 г. Евразийская экономическая комиссия и Министерство коммерции КНР объявили о принципиальном завершении переговоров по Договору о торгово-экономическом сотрудничестве, который был подписан в мае 2018 г.³⁴ В ноябре 2017 г. был согласован проект соглашения о перемещении товаров и транспортных средств через таможенные границы³⁵. Кроме того, Евразийская экономическая

³¹ Будущее Шанхайской организации сотрудничества: как его видят в Москве, Нью-Дели и Пекине // Московский центр Карнеги, 15 июня 2017 г. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71257>

³² См., напр.: Воробьев В.Я. Новый шелковый путь // Россия в глобальной политике. 2014. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-shelkovyi-kurs-16776>; Зотин А.Н. Один пояс, много тупиков. Зачем Китаю нужен новый Шелковый путь? // Московский центр Карнеги, 24 мая 2017 г. URL: <https://carnegie.ru/commentary/70057>; Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию // Ведомости, 25 октября 2015 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii>
Для обзора русскоязычных исследований по Инициативе Пояса и Пути см.: Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии // Институт Дальнего Востока РАН. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfb_2016-2018_luzyanin-1.pdf

³³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Официальный сайт Президента России, 8 мая 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

³⁴ Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 17 мая 2018 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>

³⁵ ЕАЭС и Китай согласовали проект Соглашения об обмене таможенной информацией // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 15 ноября 2017 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-11-2017-1.aspx>

комиссия ведет переговоры о софинансировании Китаем более 40 проектов в области транспорта и инфраструктуры³⁶.

Стратегия России по многостороннему сотрудничеству в Евразии ориентируется главным образом на ЕАЭС, при этом сохраняется присутствие РФ и в других форматах. Однако в последнее время ориентиром для целей многостороннего сотрудничества в Евразии стало его всеобъемлющее видение в рамках **Большого евразийского партнерства**. Предложенное В. Путиным в июне 2016 г.³⁷ партнерство является не интеграционной структурой как таковой, а скорее «контуром интеграции», охватывающим как входящие в ЕАЭС, так и другие страны, с которыми у России уже сложились тесные отношения (в частности Китай, Индию, Пакистан и Иран), и опирающимся на «сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия»³⁸. Центральной осью Большого евразийского партнерства должно стать партнерство между Россией и другими странами ЕАЭС, с одной стороны, и Китаем – с другой.

Вскоре после объявления данная инициатива была поддержана Китаем, который выразил надежду на включение в нее стран ЕАЭС, ШОС, а также АСЕАН³⁹. В то же время проект остается открытым для участия и европейских стран. Хотя конкретное содержание предлагаемой инициативы остается довольно расплывчатым, как и в случае с Транстихоокеанским партнерством (которое в настоящее время существует в формате ТТП-11 и носит название «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве», ВПТТП) и предлагаемым Трансатлантическим торговым и инвестиционным партнерством (ТТИП), сам по себе ее охват указывает на то, что преследуется амбициозная цель создания совершенно нового стандарта международного сотрудничества и экономического порядка в Евразии.

Позицию России в отношении многостороннего сотрудничества в Евразии нельзя сводить к одной инициативе и, несмотря на подозрения в желании восстановить сферу влияния советских времен, Россия не только не достигла этой цели, но и не пыталась этого сделать. На сегодняшний день наиболее существенные результаты достигнуты в рамках ЕАЭС, и, с российской точки зрения, именно этот формат представляется наиболее перспективным для установления конкретного сотрудничества с третьими странами, включая Японию. Хотя ШОС вряд ли станет самостоятельной структурой экономической интеграции или военно-политическим альянсом, она тем не менее может представлять интерес для японской стороны в силу своего широкого географического охвата и обширного круга вопросов, которые могут быть затронуты в ее рамках. Другие вышеупомянутые международ-

³⁶ Петровский В.Е. Россия – Китай: перспективы сотрудничества в рамках ЕЭК // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 6 февраля 2018 г. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-kitay-eek>

³⁷ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России, 17 июня 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

³⁸ Там же.

³⁹ Китай приветствует желание России создать Большое евразийское партнерство // РИА Новости, 3 августа 2016 г. URL: <https://ria.ru/east/20160803/1473546327.html>

ные форматы, существующие на постсоветском пространстве, такие как СНГ, ОДКБ и Союзное государство, почти полностью ориентированы на решение конкретных проблем их государств-членов и поэтому вряд ли могут представлять для японской стороны какой-либо интерес помимо научного. Вместе с тем, Большое евразийское партнерство можно рассматривать как всеобъемлющую концепцию сотрудничества в Евразии, и существующие или будущие многосторонние инициативы, предлагаемые Японией, в том числе Диалог «Центральная Азия плюс Япония» и возрожденное ТТП (ТТП-11/ВПТТП), могут стать его частью.

В то же время инициативы России ограничиваются в основном странами континентальной Евразии, преимущественно постсоветским пространством. В силу того, что внешняя политика Японии во многом обусловлена тесным сотрудничеством с США, перспективы ее вступления в какую-либо из указанных интеграционных групп в качестве полноправного члена никогда не рассматривались российскими внешнеполитическими и экспертными кругами всерьез. Тем не менее, учитывая ключевую роль ЕАЭС в региональной стратегии России, возможность экономического сотрудничества между ЕАЭС и Японией заслуживает более пристального внимания⁴⁰, хотя на данный момент никаких конкретных подвижек в этом вопросе не наблюдается.

⁴⁰ Путин: Создание зоны свободной торговли ЕАЭС – Япония будет обсуждаться // Regnum, 16 декабря 2016 г.
URL: <https://regnum.ru/news/2218481.html>

Евразийская интеграция: взгляд Японии

Послевоенную японскую внешнюю политику отличает ярко выраженная двусторонняя ориентация и отсутствие региональных инициатив и институционального лидерства. Японские элиты (и в определенной степени широкая общественность) зачастую не осознают себя частью региона и в основной своей массе рассматривают Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион как внешнюю среду. В будущем развитии российско-японских отношений двустороннее взаимодействие и дипломатические контакты неизбежно продолжат играть решающую роль, однако подобная ограниченность не может обеспечить их прочность и стабильность. Москва и Токио должны, по мере возможности, добиваться углубления и расширения связей в рамках регионального сотрудничества, хотя набирающая силу новая волна конфронтации между Россией и Западом может стать препятствием на данном пути.

Стабильные двусторонние отношения необходимо вплести в канву более широкой сети многосторонних взаимодействий, которые в периоды кризиса будут играть роль встроенного стабилизатора, поддерживающего контакты и не допускающего их полного прекращения. Евразийские региональные инициативы и другие действующие форматы могут стать тем самым контекстом, который позволит укрепить двусторонние российско-японские отношения путем встраивания их в сеть региональных проектов. Институциональная и внешнеполитическая вовлеченность Токио в многосторонние региональные инициативы может свести к минимуму вероятность того, что японские политики в будущем сократят или разорвут связи с Россией и Евразийским регионом в целом. Если в будущем в двусторонних отношениях России и Японии возникнет какой-либо кризис, то вовлеченность Москвы и Токио в многосторонние евразийские региональные инициативы не только обеспечит поддержание периодических дипломатических контактов и минимального экономического сотрудничества, но и предоставит общую платформу для решения возникающих проблем. С российской точки зрения, участие Японии в евразийских институциональных инициативах не только повысит их инклюзивность и, соответственно, общую региональную легитимность, но и развеет опасения, что Евразия превращается в регион, подчиненный диктату российско-китайского альянса. Вовлечение в евразийские инициативы других ключевых региональных игроков, таких как Индия, Иран, Турция, Южная Корея, Монголия и Сингапур, поможет укрепить переговорные позиции России (и других стран) при встраивании отношений с иными инициативами, в частности с Европейским союзом.

До сих пор участие Японии в региональных инициативах осуществлялось от случая к случаю и носило весьма ограниченный характер. Так, Токио участвует в межправительственном диалоговом механизме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), саммитах АСЕАН – Япония, АСЕАН+3 (АСЕАН – Япония, Китай, Южная Корея) и Восточноазиатском

саммите (ВАС), однако эти встречи носят преимущественно символический характер. Японские политики выступали с активной поддержкой ТТП, но этот торговый мегапроект рассматривался скорее как инструмент дальнейшего укрепления двусторонних отношений между Японией и США (и Япония потеряла к ТТП интерес, когда администрация Д. Трампа от него отказалась). Для развития энергетического и инфраструктурного сотрудничества со странами Центральной Азии Токио инициировал создание Диалога «Центральная Азия плюс Япония», однако в период с 2004 по 2018 гг. состоялось всего шесть встреч министров иностранных дел, хотя в рамках этого формата и реализуется несколько конкретных проектов развития⁴¹. В октябре 2015 г. С. Абэ совершил поездку по странам Центральной Азии и заключил контракты и соглашения на сумму более 27 млрд долл. Но эти соглашения носили в основном двусторонний характер и имели косвенное отношение к платформе Диалога «Центральная Азия плюс Япония» (18 из 27 млрд долл. приходится на Туркменистан для реализации совместных энергетических проектов, а вторая по величине сумма в 8,5 млрд долл. – на Таджикистан для реализации проектов экономического развития)⁴². Тем не менее динамичное развитие многосторонних евразийских проектов, таких как ШОС, ЕАЭС и ИПП, вынуждает японское руководство пересмотреть свою стратегию взаимодействия с регионом. Как подчеркивает директор Московского Центра Карнеги Д. Тренин, «Токио должен обновить и откорректировать свою евразийскую стратегию»⁴³.

Евразийское сотрудничество в сфере безопасности: Япония и ШОС

Хотя на официальном уровне Япония никак не связана с ШОС, с начала 2000-х гг. Токио внимательно следит за развитием Организации. Одно из первых официальных исследований, посвященных ШОС, было представлено в 2006 г. Т. Симамура из Научно-исследовательского и законодательного справочного бюро Национальной парламентской библиотеки (подразделение Управления информации и исследований МИД)⁴⁴. В этом докладе излагались в основном исторические, организационные и управленческие факты и не содержалось никакого политического анализа.

В докладе указано, что в 2004 г. Япония учредила свою собственную инициативу по многостороннему взаимодействию в регионе, которая называется Диалогом «Центральная Азия плюс Япония» (с пятью государствами Центральной Азии). В рамках формата за все время его существования состоялось шесть встреч министров иностранных дел (последняя прошла в Ашхабаде в мае 2017 г.), одиннадцать встреч на уровне высокопостав-

⁴¹ Murashkin, N. Japanese Involvement in Central Asia: An Early Inter-Asian Post-Neoliberal Case? // *Asian Journal of Social Science*. 2015. No. 43. P. 50–79.

⁴² Парамонов О.Г., Пузанова О.В. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // *Сравнительная политика и геополитика*. 2018. Т. 9, № 3. С. 135–136.

⁴³ Trenin, D. Japan's Eurasian Challenge // *Carnegie Moscow Center*, May 12, 2015. URL: <https://carnegie.ru/2015/05/12/japan-s-eurasian-challenge-pub-60143>

⁴⁴ Симамура Т. История создания и проблемы ШОС // Национальная парламентская библиотека, декабрь 2006 г. URL: http://www.ndl.go.jp/jp/diet/publication/refer/200612_671/067104.pdf (на японском языке)

ленных официальных лиц, восемь мероприятий «Токийского диалога» по вопросам культурного и интеллектуального обмена, а также один экономический форум «Центральная Азия плюс Япония», прошедший в 2011 г.⁴⁵ Предполагалось, что Диалог будет способствовать наращиванию японского содействия развитию стран Центральной Азии, а также созданию механизмов более тесного сотрудничества в области энергетики. На пресс-конференции 29 июня 2006 г. заместитель министра иностранных дел Я. Сиодзэки отметил, что, хотя Япония не намерена устанавливать официальные отношения с ШОС и будет продолжать сотрудничать со странами Центральной Азии в рамках Диалога, любое противостояние между этими двумя инициативами является маловероятным и они обе должны стремиться содействовать стабилизации и развитию региона⁴⁶.

В 2007 г., во время первой администрации С. Абэ, Министерство иностранных дел Японии поручило Японскому институту международных проблем (Japan Institute of International Affairs, JIIA) подготовить доклад, целью которого было формулирование перспектив внешней политики Японии в отношении евразийских региональных организаций. В докладе «Евразийская дипломатия нашей страны», подготовленном группой ученых под руководством профессора А. Ивасита из Центра славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо и опубликованном JIIA, основное внимание было уделено теоретическим аспектам политического равновесия. Было проанализировано, как различные региональные акторы (Россия, Китай, Япония, США, Иран, Монголия, Афганистан, а также страны Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока) могут использовать ШОС в качестве инструмента балансирования. Несмотря на серьезную теоретическую направленность исследования, ключевое предложение автора заключалось в сопряжении Диалога Японии и центральноазиатских стран с ШОС в целях повышения эффективности регионального взаимодействия Японии, а также увеличения открытости самой Организации⁴⁷. В связи с этим он утверждал, что Россия и Китай должны быть стратегически заинтересованы в поддержке как официальных, так и неформальных связей Японии с ШОС, поскольку участие Токио могло бы положительно повлиять на стабильность и экономическое развитие Евразии, не требуя приверженности идеалам западной демократии и соблюдения прав человека.

В развитие этого доклада А. Ивасита инициировал в 2007 г. трехлетний исследовательский проект под названием «К новому евразийскому диалогу: Шанхайская организация сотрудничества и ее партнеры». Летом 2007 г. Центр славянских и евразийских исследований вместе с Фондом мира Сасакава

⁴⁵ "Central Asia plus Japan" Dialogue // Japanese Ministry of Foreign Affairs' official website.
URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/index.html>

⁴⁶ Запись выступления заместителя министра на пресс-конференции // Официальный сайт Министерства иностранных дел Японии, 29 июня 2006 г. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/fuku/f_0606.html (на японском языке)

⁴⁷ Политическая рекомендация: евразийская дипломатия в Японии – использование Шанхайской организации сотрудничества в качестве ключа // JIIA, доклад, 10 августа 2008 г.
URL: http://www2.jiaa.or.jp/pdf/report/h18_eurasia.pdf (на японском языке)

(Sasakawa Peace Foundation, SPF) провел международный симпозиум по ШОС, на котором американским и европейским ученым предлагалось проанализировать различные способы взаимодействия Японии, США и ЕС с данной организацией⁴⁸. В заключительном отчете конференции А. Ивасита предложил Японии стать партнером ШОС по диалогу и изложил причины, по которым участие Японии в работе Организации отвечает их взаимным интересам.

Привлекательность ШОС для Японии:

- повышение эффективности Диалога «Центральная Азия плюс Япония» путем сопряжения с более широкой многосторонней платформой ШОС;
- взаимодействие с евразийским регионом, не накладывающее управленческих и административных обязательств по отношению к ШОС;
- содействие созданию Евразийского регионального форума по безопасности;
- изменение роли Японии в японо-американском договоре безопасности и усиление региональной вовлеченности страны;
- создание многостороннего канала по координации и управлению российско-японскими и китайско-японскими отношениями.

Привлекательность участия Японии для ШОС:

- повышение престижа и легитимности путем вовлечения Японии;
- предотвращение потенциальных конфликтов с Западом и недоверия с его стороны;
- повышение шансов ШОС стать со временем всеобъемлющей евразийской региональной платформой;
- укрепление основы дипломатии политического баланса в Организации;
- содействие дальнейшему региональному сотрудничеству посредством привлечения глобальных ресурсов и связей Японии.

Перечисленные положения, возможно, и были актуальны для 2007 г., однако в последнее время контекст евразийского регионального сотрудничества значительно изменился, особенно после расширения ШОС на юг путем принятия в полноправные члены Индии и Пакистана. В ближайшие годы Россия, Китай и другие члены ШОС, вероятно, будут заняты корректировкой внутренних структур управления с тем, чтобы привести их в соответствие с изменившимися после вступления новых членов реалиями. Сегодня Москва и Пекин вряд ли будут заинтересованы в установлении новых отношений с другими партнерами, особенно такими крупными региональными игроками, как Япония. Вместе с тем, установление неформальных связей и структурированных взаимодействий отвечает общим интересам и Японии, и ШОС, включая Россию. Токио по-прежнему настроен скептически по отношению к китайской ИПП и Азиатском банку инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB)

⁴⁸ Формирование нового евразийского порядка – Взаимодействие между Китаем, Россией и соседними регионами (2006–2009 гг.) // Центр славянских исследований Университета Хоккайдо, доклад, 2007.
URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/kaken/iwashita2007/contents.html> (на японском языке)

и первоначально отказался от участия в этих новых региональных проектах, однако в последние годы все больше японских политиков начинают говорить о возможном участии в этих инициативах⁴⁹.

В этом плане ШОС может стать проводником в деле нового взаимодействия Японии с региональными проектами в Евразии. Хотя Япония не сможет участвовать в военных учениях и обменах ШОС, проведении антитеррористических операций и мероприятиях по совершенствованию пограничного контроля, она может стремиться к получению статуса партнера по диалогу (как предлагал А. Ивасита) и внести свой вклад в дискуссию об обеспечении безопасности в Евразии. Напряженные отношения с Китаем не должны служить предлогом для отказа от взаимодействия с ШОС – на самом деле, Японии и следует активно взаимодействовать с Организацией в сфере безопасности и искать взаимоприемлемые решения, чтобы стабилизировать отношения с КНР. Примечательно, что Индия решила вступить в ШОС именно по этой причине, а отношения Нью-Дели с Пекином (и Исламабадом) не менее сложны.

Для России взаимодействие Японии с ШОС могло бы повысить легитимность Большого евразийского партнерства, цель которого – оставить в прошлом отжившую блоковую ментальность и установить подлинно свободный и справедливый мировой порядок, включающий самый широкий круг региональных инициатив, в том числе ШОС, ЕАЭС, ИПП и др. Сделав Японию своим партнером, ШОС может продемонстрировать, что является действительно открытой организацией, не подверженной блоковой ментальности. Прагматическое участие Японии в ШОС может быть использовано в качестве примера для привлечения к сотрудничеству широкого круга партнеров, в том числе членов НАТО, например Турции. Кроме того, Брюссель мог бы получить четкий сигнал о том, что евразийская интеграция развивается без ЕС, а репрессивная логика санкционной политики наносит ущерб европейским гражданам и компаниям, которые могут выиграть от участия в формирующихся евразийских рынках. Хотя от взаимодействия Японии с ШОС вряд ли стоит ожидать конкретных результатов в плане сотрудничества в сфере безопасности, оно несет в себе огромный потенциал для ребрендинга и трансформации Организации в инклюзивный центр евразийской безопасности и экономического управления, к участию в котором приглашаются все заинтересованные стороны вне зависимости от их политической ориентации и институциональной принадлежности.

Евразийское экономическое сотрудничество: Япония и ЕАЭС

На сегодняшний день Япония не проявляет к ЕАЭС особого интереса, и в стране никто не выступает на регулярной основе с призывом установить с организацией более тесные отношения. В 2012 г. Японский банк для международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation, JBIC) представил концептуальную записку с анализом положения дел в обла-

⁴⁹ Dadabaev, T. "Silk Road" as Foreign Policy Discourse: The Construction of Chinese, Japanese and Korean Engagement Strategies in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2018. No. 9. P. 30–41.

сти экономической интеграции в Евразии. В публикации подчеркивается, что Россия, возможно, попытается уравновесить растущее влияние Китая на экономику стран Центральной Азии и богатые энергетические рынки региона, Казахстан также опасается доминирования китайских инвестиций и инфраструктурных проектов⁵⁰. Примечательно, что автор обратил внимание на сожаление японского бизнес-сообщества по поводу отсутствия обсуждения на высоком уровне участия Японии в евразийском экономическом сотрудничестве, а также на тот факт, что Япония отстает от других крупных игроков, таких как ЕС и Республика Корея.

В Докладе JIA 2013 г. о последних тенденциях в сфере региональной интеграции, подготовленном в рамках ежегодных внешнеполитических исследований по заказу Министерства иностранных дел Японии, интеграция в Евразии рассматривается в качестве одного из важнейших векторов глобализации. Автор главы по Евразии доцент Университета Кэйо Й. Хиросэ утверждает, что многие постсоветские государства заинтересованы в укреплении экономических и культурных связей с Японией, а спрос на импорт японских продуктов питания и промышленных товаров постоянно растет. В 2016 г. Министерство иностранных дел Японии поручило JIA подготовить еще один доклад с анализом вовлеченности России в проекты на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона и перспектив российско-японского сотрудничества в условиях регионального экономического порядка после ТТП. В дополнение к этим ежегодным публикациям, Японская организация по развитию внешней торговли ДЖЕТРО (Japan External Trade Organization, JETRO), в основном силами московского представительства, периодически размещает на своем официальном сайте сводки таможенной и торговой информации, однако они по большей части являются переводом на японский язык юридических документов, и в них отсутствует стратегический и политический прогноз или анализ.

Хотя широкая общественность (и многие политики) Японии плохо разбираются в том, что представляет собой ЕАЭС в настоящее время, это не должно сдерживать установление более тесных отношений с Союзом. Общественное понимание региональных инициатив обычно является результатом расширения сотрудничества и активизации взаимодействия. В то время как многие западные ученые изначально полагали, что ЕАЭС окажется «пустышкой», лишенной каких-либо значимых перспектив влияния и эффективности⁵¹, эти пессимистичные прогнозы оказались не соответствующими действительности. Как отметил президент Корейского института международной экономической политики Ли Чжэ Ён, Евразийский таможенный союз («предтеча» ЕАЭС) внес большой вклад в улучшение российской и региональной деловой среды⁵².

⁵⁰ Единая экономическая зона в Евразии – Россия, окружающие страны и реализация концепции // Официальный сайт Японского банка для международного сотрудничества, 2 января 2012 г.
URL: https://www.jbic.go.jp/wp-content/uploads/reference_ja/2012/02/2815/jbic_RRJ_2011068.pdf (на японском языке)

⁵¹ Michel, C. Vladimir Putin's Impotent Eurasian Union // Foreign Policy, June 5, 2014.
URL: <https://foreignpolicy.com/2014/06/05/vladimir-putins-impotent-eurasian-union>

⁵² Ли Чжэ Ён. Новая «северная политика» и корейско-российское сотрудничество // Валдайские записки № 76, октябрь 2017 г. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22115>

На протяжении долгого времени руководители крупных японских компаний и инвесторы считали деловую среду на постсоветском пространстве «хаотичной» и «рискованной», однако оценка Всемирного банка показывает, что ситуация изменилась⁵³. Хотя коррупция на местах, частые изменения законодательства и задержки в реализации проектов продолжают создавать трудности в России и других странах ЕАЭС, предпринимательская деятельность в Евразии не более рискована, чем по другим инвестиционным направлениям Японии, таким как Вьетнам, Индонезия, Китай, Индия, Филиппины и Камбоджа. Учитывая тот факт, что Россия является экономическим локомотивом евразийской экономической интеграции и играет ведущую роль в ЕАЭС (ЕЭК располагается в Москве), представляется целесообразным связать центральноазиатские экономические проекты Японии с ЕАЭС и задуматься о взаимодействии Японии с региональными и многосторонними структурами Евразийского экономического союза как неотъемлемой части внешнеэкономической политики в отношении России.

При разработке новой евразийской региональной экономической политики Япония может воспользоваться опытом своих региональных партнеров, в частности Республики Корея (РК). В октябре 2013 г. Сеул выдвинул новую Евразийскую инициативу для достижения следующих целей:

- открытие новых региональных рынков и создание драйверов роста;
- приобщение своих соседей к стратегии и опыту экономического развития РК;
- диверсификация экономических отношений и расширение транспортной и логистической инфраструктур;
- стимулирование процессов реформирования и открытости КНДР, обеспечение стабильности межкорейских отношений и роста сотрудничества;
- встраивание южнокорейской дипломатии среднеразмерного государства в более широкий контекст евразийского сотрудничества и укрепление позиций страны как центра регионального взаимодействия и дискуссий⁵⁴.

В соответствии с этими новыми целями, Сеул инициировал ряд конкретных мероприятий по укреплению многостороннего измерения в отношениях между Москвой и Пекином, которые включают:

- завершение разработки «дорожной карты» Евразийской инициативы⁵⁵;

⁵³ В период с 2010 по 2015 гг. Россия показала удивительный взлет в рейтинге *Doing Business* Всемирного банка, поднявшись на 62-е место с 120-го. С укреплением ЕАЭС в 2015 г. рейтинг России продолжал улучшаться, и в 2016 г. она заняла 51-ю позицию. Согласно аналитическому докладу *Doing Business 2018*, Япония занимает 34-ю строчку рейтинга, а Россия – 35-ю. Другие члены ЕАЭС также продемонстрировали невероятный прогресс: так, Казахстан занял 36-е место, Беларусь – 38-е, а Армения – 47-е. Источник: рейтинг Всемирного банка *Doing Business*. URL: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2018>

⁵⁴ Ли Чжэ Ён. Новая «северная политика» и корейско-российское сотрудничество // Валдайские записки № 76, октябрь 2017 г. С. 3-4. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22115>. Lee Jae-Young. Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia / *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia*, ed. by Huang, J., Korlev, A. London: Palgrave Macmillan, pp. 103–125

⁵⁵ Kwon, Y. South Korea's Eurasia Ambitions // *The Diplomat*, August 20, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/08/south-koreas-eurasia-ambitions>

- возобновление переговоров по участию южнокорейских компаний в проекте «Хасан–Раджин»;
- заключение и вступление в силу (с 2014 г.) соглашения об отмене визового режима с Россией для владельцев обычных паспортов (до 60 дней);
- создание корейско-российских инвестиционных и финансовых платформ;
- создание совместного государственно-частного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Центральной Азии;
- проведение заседаний Координационного комитета по экономическому сотрудничеству в Евразии при правительстве Республики Кореи;
- содействие проведению совместных исследований возможностей создания зоны свободной торговли с ЕАЭС;
- переговоры по Соглашению о всеобъемлющем экономическом партнерстве с Россией (наподобие ЗСТ), дополняющего многостороннее изменение (подготовительная работа завершена в 2016 г.)⁵⁶.

Вероятно, конечной целью РК в этой деятельности является создание ЗСТ с ЕАЭС и такое соглашение дает несколько важных преимуществ. Оно позволит активно участвовать в экономической деятельности на растущем рынке региона в рамках единой структуры ЕАЭС с общими правилами и механизмами контрактного обеспечения. Значение этого преимущества должно возрасти при реализации планов постепенного перехода на подобные общие стандарты при транзакциях в области энергетики и в конечном итоге создании единого евразийского энергетического рынка (что обсуждается в настоящее время).

Многие другие региональные государства выразили заинтересованность в заключении соглашений о создании ЗСТ с ЕАЭС, в том числе Вьетнам (соглашение уже заключено в 2016 г.), Индия, Монголия, Сингапур и Таиланд⁵⁷. В результате региональные торговые соглашения ЕАЭС, вероятно, станут одним из ключевых факторов Большого евразийского партнерства, дополняя другие существующие и предлагаемые механизмы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, такие как АСЕАН, Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Свободная экономическая зона Азиатско-Тихоокеанского региона (СЭЗ АТР) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве.

⁵⁶ Ли Чжэ Ён. Новая «северная политика» и корейско-российское сотрудничество // Валдайские записки № 76, октябрь 2017 г. С. 15. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22115>

⁵⁷ Vinokurov, E. Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3, No. 1. P. 66.

Перспективы регионального взаимодействия: цели и практические шаги

Любое обсуждение возможности взаимовыгодной координации действий двух стран в отношении сотрудничества в Евразии должно начинаться с анализа объективных интересов и потребностей, которые такое сотрудничество могло бы удовлетворить. При взаимодействии России и Японии в Евразии необходимо избежать бесосновательного сотрудничества, особенно с учетом все еще незначительного интереса Японии к евразийским делам на фоне стабильности ее связей с США.

Вместе с тем, значение многостороннего сотрудничества в Евразии как для региона в целом (в основном, благодаря развитию ЕАЭС и ИПП), так и для внешней политики России в частности продолжает расти. Вот почему взаимодействие с форматами евразийского сотрудничества, в которых участвует Россия (например, ЕАЭС и ШОС) и с которыми она стремится тесно сотрудничать (ИПП, особенно Экономический пояс Шелкового пути) может стать инструментом существенного укрепления двусторонних отношений между Токио и Москвой. Особую актуальность этому придает то, что нынешнее сближение двух стран в значительной степени обусловлено хорошими личными взаимоотношениями президента РФ В. Путина и премьер-министра Японии С. Абэ.

Еще одной целью, обуславливающей усилия по наращиванию взаимодействия Японии с различными форматами евразийского сотрудничества, могло бы стать обеспечение ее участия в новом региональном международном порядке, который формируется на пространстве большого евразийского региона. Хотя черты и особенности этого порядка еще неясны, уже не вызывает сомнения, что ведущим игроком на нем станет Китай, и Россия уже осознала важность встраивания в эту новую систему политических, экономических и культурных связей. Именно об этом свидетельствует инициатива Большого евразийского партнерства, сформулированная В. Путиным.

Однако место Японии в этом порядке еще предстоит определить. Опять же, многое будет зависеть от позиции США. Если Вашингтон решит противодействовать подъему Китая (а разворачивающаяся «торговая война» между США и Китаем делает такой сценарий вполне возможным) и продолжит политику «сдерживания Китая», то изолированными от новых форматов экономического сотрудничества и политического диалога в Евразии могут оказаться именно США и их союзники (и Япония в их числе). Хотя Токио вряд ли может оказать воздействие на стратегию Вашингтона напрямую, но переход Японии к более активным контактам с различными евразийскими многосторонними инициативами способен привести к изменению стратегического баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе и осложнить как для нынешней, так и будущих администраций США выбор между полномасштабной конфронтацией с Китаем и формирующимся евразийским международным порядком в целом.

Для Токио вопрос о сотрудничестве с Россией в Евразии сводится, в конечном счете, к принципиальному решению, следует ли усиливать в своей внешней политике фактор многосторонности или продолжать избегать ее, придерживаясь дипломатического курса, в котором основное внимание уделяется сотрудничеству с США. Однако Москва не стоит перед подобными дилеммами. Россия уже имеет как значительный опыт, так и важные достижения в сфере многостороннего сотрудничества в Евразии. Все это означает, что, с российской точки зрения, взаимодействие с Японией в Евразии является не вопросом общей внешнеполитической стратегии страны, а скорее новым аспектом сотрудничества и очередным шагом в деле укрепления двусторонних связей, а также реализации планов относительно будущего многостороннего сотрудничества в Евразии в целом.

Большое евразийское партнерство, которое недавно стало новой руководящей идеей российской стратегии в Евразии, по самому своему определению является всеобъемлющей и гибкой концепцией. От Японии для установления сотрудничества с Россией в рамках этого всеобъемлющего видения требуется лишь политическая воля. Подобный шаг может оказаться даже не таким затруднительным с точки зрения политических ограничений, в условиях которых действует японское руководство. Так, в качестве обоснования расширения сотрудничества с существующими и формирующимися структурами многостороннего сотрудничества в Евразии можно сослаться на исторические примеры, в частности евразийскую дипломатию Японии конца 1990-х – начала 2000-х гг.⁵⁸ и «многополярную дипломатию» начала 1970-х гг., проводимую кабинетом Танака.

При этом Япония должна сознавать, что, не располагая сопоставимыми с Россией активами в многостороннем сотрудничестве, ей придется довольствоваться адаптацией к существующим инициативам, а ее роль в международных форматах Евразии в целом и в поддерживаемых Россией структурах в частности не будет ведущей. Учитывая ограниченность региональных амбиций Токио, это не должно вызывать сложности. Фактически, большая вовлеченность Японии в евразийские проекты и может стать оптимальным «срединным путем», чтобы обозначить свое присутствие и лидерство, сохраняя при этом традиционную ориентацию Японии на ограниченную по своим масштабам деятельность в регионе.

В качестве первого шага к сотрудничеству между Россией и Японией в Евразии обеим странам необходимо содействовать более глубокому пониманию процессов, разворачивающихся на евразийском пространстве. Особенно это актуально для Японии, поскольку до настоящего времени экспертное и академическое сообщества страны практически не занимались такими исследованиями. Возможно, главной мерой является содействие более гибкому пониманию моделей сотрудничества в современном мире, которое бы вытеснило примитивные подходы, основанные на блоковом геополитическом мышлении. Вовлеченность Японии в евразийские

⁵⁸ Togo, K. Eurasian Diplomacy in Japan, 1997–2001 // Nippon, March 13, 2014.
URL: <https://www.nippon.com/en/features/c00205>

дела, опирающаяся на дух открытости региональной политики, не означает вступление в противоречие с ориентацией страны на политическое и военное сотрудничество с США.

Как только идея об активизации участия Японии в многостороннем евразийском сотрудничестве укрепитя в политическом дискурсе страны, можно переходить к конкретным шагам по развитию взаимодействия с такими форматами сотрудничества, как ШОС или ЕАЭС. Возможно, ключевым потенциальным преимуществом взаимодействия с ШОС (в любом качестве, включая специальный статус гостя на ежегодных организационных совещаниях) является для Японии создание и поддержание многосторонних каналов связи с Китаем. Такой шаг вряд ли позволит разрешить серьезные двусторонние разногласия, однако может оказаться полезным в качестве механизма поддержания устойчивых контактов, особенно когда общение происходит в присутствии России (которая принципиально не заинтересована в обострении японо-китайских отношений) и других заинтересованных региональных игроков.

В ближайшие годы «азиатские» региональные события, скорее всего, будут (намеренно и ненамеренно) определяться видением КНР в качестве центра регионального порядка, в котором все «азиатские» международные отношения будут в той или иной степени принимать во внимание военный, политический и экономический факторы Китая. В этом контексте проблемы японо-китайских отношений никогда не смогут быть решены в рамках взаимодействия с одним лишь Китаем.

России, в свою очередь, следует активно поддерживать участие Японии в ШОС (так же, как и других региональных государств). Хотя географическая экспансия ШОС снижает ее способность достигать консенсусных решений и сводит на нет возможность Организации стать политическим «блоком» в обозримом будущем, она одновременно повышает ее роль как легитимного механизма открытого диалога и не влекущей за собой юридических обязательств площадки для координации интересов. В течение предстоящих нескольких лет Москва и Пекин могут не чувствовать непосредственной необходимости вовлечения Японии в ШОС, однако руководство и России, и Китая должно думать о будущем Организации и возможности ее использования в качестве основы для формирования евразийско-тихоокеанского регионального порядка. Вовлечение большего числа региональных участников помимо Индии и Пакистана служит стратегическому императиву акцентирования открытости для сотрудничества и негегемонистского характера ШОС. Хотя у России нет устремлений «доминировать» в регионе вместе с Китаем, сам факт партнерства двух держав может вызывать озабоченность среди их менее влиятельных соседей, в том числе Японии. Вот почему многосторонние платформы, подобные ШОС, являются исключительно важным механизмом в деле разоблачения ложных представлений и продвижения инклюзивного, открытого к сотрудничеству и свободного от конфронтации регионального диалога. Таким образом, установление контактов между Японией и

ШОС лишь повысит легитимность Организации в достижении этих целей и укрепит ее позиции как жизненно важной части зарождающегося Большого евразийского партнерства.

В экономической сфере России и другим членам ЕАЭС надлежит стремиться к более тесному сотрудничеству с Японией в рамках Большого евразийского партнерства. Изучение партнерских отношений Японии с ЕАЭС можно рассматривать как первые шаги по реализации идеи Большого евразийского партнерства на практике, особенно с учетом недавно заключенного Соглашения об экономическом партнерстве между Японией и ЕС (EU – Japan Economic Partnership Agreement, EPA)⁵⁹. До сих пор ЕС не проявлял интереса к конструктивному взаимодействию с ЕАЭС, и Япония – в силу нейтральности своей позиции по отношению к обоим объединениям – может соединить эти два влиятельных центра региональной интеграции. В долгосрочной перспективе руководству России и ЕАЭС следует разработать всеобъемлющую и общерегиональную стратегию установления прочных связей между партнерами на евразийско-тихоокеанском пространстве, что может потребовать проведения некоей «евразийской политики добрососедства», используя опыт ЕС.

В свете этого существует несколько способов интенсифицировать взаимодействие между Японией и проектами евразийской интеграции. Учитывая неопределенность ситуации, связанной с тем, что Японии приходится взять на себя лидерство в процессе институционализации ТТП «без Америки», Токио будет трудно на практике заняться вопросом о ЗСТ с ЕАЭС. Тем не менее Япония не может игнорировать расширение региональных партнерств ЕАЭС, тем более что Вьетнам (основное инвестиционное направление Японии) и Сингапур (финансовый центр региона) стремятся установить более тесные связи со структурами евразийской экономической интеграции. В качестве первого шага японское правительство могло бы дать указание подготовить новый доклад о потенциальном партнерстве с ЕАЭС в ближайшем будущем, возможно, в рамках существующих проектов Японского института международных проблем (JIIP) по России. Это партнерство может иметь вид формальной ЗСТ, неформального диалога и консультаций или же совместных российско-японских мероприятий и обменов мнениями по данному вопросу. Доминирующая в Японии исключительная ориентация на двусторонние отношения должна остаться в прошлом, и японским экспертам надлежит внимательно изучить возможность встраивания российско-японских отношений в общую канву евразийского регионального сотрудничества, которое является целью Москвы. Основываясь на анализе, представленном в предыдущих главах, другие возможные виды совместной деятельности могут включать:

- направление официальной делегации Японии на встречу с Евразийской экономической комиссией для установления контактов и рабочих отношений;

⁵⁹ Соглашение об экономическом партнерстве между Японией и ЕС // Официальный сайт Министерства иностранных дел Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/page6_000042.html (на японском языке)

- создание неформальной академической сети японских экспертов по ЕАЭС, организацию совместных мероприятий и семинаров по многостороннему измерению в российско-японских отношениях, желательно в сотрудничестве с российскими и евразийскими аналитическими центрами и экспертами;
- проведение форума и информационных сессий по международной деятельности ЕАЭС для руководителей японских компаний в Москве, участие в которых могут принимать представители других региональных партнеров, включая Китай, Южную Корею и Индию, с потенциалом превращения этих мероприятий в международный бизнес-форум;
- изучение возможности увязки Диалога «Центральная Азия плюс Япония» с ЕАЭС.

Для эффективной реализации этих инициатив Японии следует активно использовать опыт РК. Как отмечает Ли Чжэ Ён, несмотря на высокие ожидания, которые Сеул возлагал на свою евразийскую инициативу, результаты пока оставляют желать лучшего. Причина заключается в отсутствии центрального координатора, в результате чего «каждое министерство или агентство создало различные бизнес-единицы и предприняло импровизированные меры»⁶⁰. Чтобы избежать подобной ошибки, начальный этап проведения евразийской региональной политики Японии, возможно, следует осуществлять под руководством Секретариата кабинета министров С. Абэ при поддержке Отдела японо-российских экономических отношений Министерства иностранных дел (в его ведении находятся проекты экономического сотрудничества Японии с Россией) и Посольства Японии в России. Для проведения информационно-разъяснительной работы следует также подключить Отдел России МИД Японии, Отдел Центральной Азии и Кавказа и Отдел по делам японо-российского культурного обмена.

⁶⁰ Ли Чжэ Ён. Новая «северная политика» и корейско-российское сотрудничество // Валдайские записки № 76, октябрь 2017 г. С. 4. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22115>

Внутренние и внешние вызовы и возможности

На региональное сотрудничество двух стран в Евразии неизбежно окажет существенное влияние ряд внутренних и внешних факторов. Любой анализ многостороннего сотрудничества в Евразии, в том числе и России с Японией, требует обязательного рассмотрения его последствий и значимости для других региональных игроков и инициатив. Российское внешнеполитическое ведомство сразу выступило с поддержкой китайской Инициативы Пояса и Пути. Его примеру последовала и Япония: в июне 2017 г. премьер-министр С. Абэ выразил готовность Токио «расширить сотрудничество» в рамках данной инициативы, если ее реализация будет «гармонизировать со свободной и справедливой транстихоокеанской экономической зоной» и если построенная инфраструктура будет «открытой для всеобщего пользования»⁶¹.

Если перспективы сотрудничества Японии с ИПП не омрачат политические осложнения, то китайская инициатива может стать общей платформой как для поддержки отдельных проектов между Россией и Японией, так и для развития более широкого спектра двустороннего сотрудничества на евразийском пространстве. С точки зрения Японии, участие в ИПП России и Индии повышает открытость инициативы, что предоставит японским лидерам контраргумент против националистов, пытающихся представить проект воплощением «китайской гегемонии».

Еще одной внешней переменной, которая может оказать существенное влияние на российско-японское сотрудничество в Евразии, являются отношения России с США и другими западными странами. Напряженность в отношениях между Россией с одной стороны и США и другими западными государствами с другой, которая особенно обострилась после украинского кризиса 2014 г., может стать препятствием для участия Японии в проектах, поддерживаемых Россией на евразийском пространстве. Так, Япония тоже ввела санкции против России, однако, по мнению многих аналитиков, они носили чисто символический характер, и тем самым Япония проявила солидарность с западными партнерами, а не стремилась «наказать» Россию⁶².

Однако желание Японии поддерживать и развивать связи с Россией уже вызывало недовольство Вашингтона, как это было в 2016 г., когда Б. Обама просил С. Абэ не посещать Россию, но японский лидер к этой просьбе не прислушался⁶³. По состоянию на ноябрь 2018 г. отношения между Россией и Западом продолжают накаляться. Если эскалация напряженности между Россией и Западом продолжится, Япония снова может столкнуться с усилением давления со стороны США и других западных стран, что может нане-

⁶¹ Japan and 'One Belt, One Road' // The Japan Times, June 24, 2017.
URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/06/24/editorials/japan-one-belt-one-road/#.W8qqULV1NrR>

⁶² Панов А.Н. Япония сделала свой выбор в пользу России // Аргументы и факты, 29 октября 2016 г.
URL: http://www.aif.ru/politics/world/aleksandr_panov_yaponiya_sdelala_svoy_vybor_v_polzu_rossii

⁶³ Abe Breaks Ranks with Obama by Visiting Putin // The Japan Times, May 6, 2016.
URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/05/06/national/abe-breaks-ranks-obama-meeting-putin-russia/#.W8q2Fv1NrR>

сти ущерб ее связям с Россией, включая любые проекты двустороннего и многостороннего сотрудничества в Евразии.

Более того, ориентация Японии на альянс с Соединенными Штатами потенциально может вызвать опасения Москвы относительно мотивов и намерений Токио. Одним из примеров влияния данного фактора на двусторонние отношения является критика Россией планов модернизации японской системы противоракетной обороны⁶⁴. Другой пример – часто звучащий аргумент, что Россия не должна делать никаких уступок Японии в территориальном споре о Южнокурильских островах («северных территориях», как их называют в Японии), поскольку в случае перехода островов под юрисдикцию Японии на них могут быть размещены военные объекты США, что создаст угрозу национальной безопасности России⁶⁵.

В свете этого любой прогноз, затрагивающий новую евразийскую региональную политику Японии, должен учитывать ее последствия для японо-американского альянса в области безопасности, от которого Токио находится в сильной зависимости. Насколько вовлеченность Японии в евразийские проекты будет совместима с ее проамериканской внешнеполитической ориентацией? Можно ли в принципе вообразить проведение многовекторной внешней политики нацией, чей менталитет так сильно заточен на поддержку США? Эти опасения весьма актуальны. Однако «проамериканская» направленность господствующих японских элит не должна рассматриваться как непреодолимый барьер на пути более тесного взаимодействия с евразийскими региональными инициативами. Проамериканизм японцев отнюдь не означает антироссийских убеждений. Наглядным подтверждением этому служит тот факт, что премьер-министр С. Абэ, испытывающий к президенту В. Путину и России глубокое уважение, считается наиболее проамерикански настроенным деятелем на японской политической арене и постоянно призывает к укреплению японо-американского союза. Именно по этой причине новообретенное стремление Японии повысить свою вовлеченность в евразийские проекты предоставляет возможность отказаться от эгоцентризма в международном сотрудничестве и построить подлинно свободное и справедливое партнерство на основе уважения политической ориентации других игроков.

Что касается среднесрочной и долгосрочной перспектив, если Россия стремится к укреплению стабильных отношений с Японией, ей необходимо тщательно продумать, как поддержать нынешний уровень взаимодействия и продолжить его развитие после ухода С. Абэ. Одним из способов достижения этой цели является привлечение Японии к участию в деятельности региональных, многосторонних и институциональных платформ, возглавляемых Россией. В силу этого России, возможно, следует направить свои усилия на придание российско-японским отношениям многостороннего измерения, пока у власти еще находится премьер-министр С. Абэ. Институ-

⁶⁴ МИД: установка ПРО в Японии негативно повлияет на отношения Москвы и Токио // Российская газета, 28 декабря 2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/12/28/mid-ustanovka-pro-v-iaponii-negativno-povliiaet-na-otnosheniia-moskvy-i-tokio.html>

⁶⁵ «Мы должны смотреть на это безвольно?» Путин рассказал о будущем Курильских островов, если бы они принадлежали Японии // Газета.ру, 1 июня 2017 г. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/06/01/10703423.shtml>

ционализация каналов связи и взаимодействия позволит им сохраниться, даже если следующим премьер-министром Японии станет политик, относящийся к России не так хорошо.

Вместе с тем имеются основания для оптимизма в отношении российско-японских связей и после ухода С. Абэ с поста премьер-министра. В 2017 г. только 26% японских граждан относились к России с симпатией. В рабочей тетради С. Чугрова «Образ России в Японии и образ Японии в России», опубликованной Российским советом по международным делам (РСМД) в декабре 2017 г.⁶⁶, представлена аналогичная картина на основании опроса, проведенного в 2016 г., согласно которому отрицательно относились к России почти 80% японцев. Не следует забывать, что обобщенные результаты опроса часто вводят в заблуждение. Негативное отношение японских граждан во многом отражает мнение старшего поколения, которое по-прежнему склонно смотреть на Россию через призму холодной войны. Так, опрос, проведенный в 2017 г. исследовательским центром *Pew Research Center*, показал, что большинство (53%) представителей молодого поколения воспринимают Россию позитивно, хотя японских граждан старше 50 лет, относящихся к России с симпатией, всего 16%. Это указывает на то, что новое поколение молодых японских лидеров может проявить больше готовности к сотрудничеству с Россией в двусторонних и многосторонних форматах. Вот почему важным стабилизирующим фактором может стать вовлечение молодых японских лидеров в разработку новой модели российско-японского сотрудничества в Евразии уже на ранней стадии.

Наряду с этим, открытая и гибкая природа зарождающегося международного порядка в Евразии требует, чтобы как Россия, так и Япония учитывали роль важных региональных игроков и международных проблем, даже если они, на первый взгляд, кажутся не имеющими отношения к вышеупомянутым официальным рамкам международного сотрудничества. Так, новый и всеобъемлющий международный порядок в Евразии вряд ли можно представить, не принимая во внимание роль таких государств, как Турция, которая является ключевым региональным игроком со значительным присутствием в Центральной Азии и активными политическими связями с Россией и Японией; или Монголия, которая располагается в сердце Евразии, имеет традиционные связи с Россией и Японией, и чью внешнюю политику отличает ярко выраженная многовекторность⁶⁷. Что касается новых направлений деятельности, то особую важность может приобрести сотрудничество в Арктике. Поскольку Россия и Китай уже приступили к обсуждению совместного развития Северного морского пути⁶⁸, роль такого сотрудничества может существенно возрасти в будущем, и заинтересованные страны вполне могут инкорпорировать свое взаимодействие по арктическим проектам в набирающую обороты систему регионального сотрудничества в Евразии.

⁶⁶ Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016 / [С.В. Чугров]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 64 с.

⁶⁷ Rinna, A. Mongolia Makes the Most of the Middle Position // East Asia Forum, April 30, 2016.
URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/04/30/mongolia-makes-the-most-of-the-middle-position/>

⁶⁸ Россия и Китай разрабатывают меморандум о совместном освоении Арктики // ТАСС, 15 мая 2018 г.
URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5200505>

Выводы и рекомендации

Многостороннее сотрудничество стало одним из ведущих направлений внешней политики России в Евразии. Между тем российско-японские отношения развивались главным образом в двустороннем формате, и в них отсутствует сколь-нибудь значимое региональное измерение. Для углубления отношений между странами необходимо развивать многосторонний трек и содействовать вовлечению Японии в проекты евразийской интеграции. Двустороннее экономическое сотрудничество и культурное взаимодействие не могут сами по себе способствовать преодолению разногласий между странами и решению проблемных вопросов, особенно если отношения между ними во многом опираются на личные контакты и взаимопонимание руководителей двух государств. Для стабилизации российско-японских отношений развитие двусторонних связей необходимо дополнить институционализированным форматом многостороннего сотрудничества.

Исходя из этого, в настоящей рабочей тетради предлагаются следующие конкретные шаги:

1. Обе страны должны принять меры по укреплению доверия в военной области и в сфере безопасности для снятия взаимных опасений и подозрений и преодоления ложного восприятия евразийской интеграции как продукта блокового мышления.
2. Обе стороны должны быть готовы отделять свое сотрудничество на многосторонних площадках от нерешенных вопросов двусторонних отношений.
3. В рамках евразийского сотрудничества важно наладить взаимодействие Диалога «Центральная Азия плюс Япония» с проектами ШОС и ЕАЭС. Если Япония решит активизировать деятельность этого форума, то необходимо предпринять усилия с тем, чтобы снять опасения о стремлении составить конкуренцию существующим российским и китайским инициативам. Японским дипломатам и экспертам следует сформулировать новую роль Диалога в рамках формирующейся инициативы Большого евразийского партнерства так, чтобы это не вступало в противоречие с многосторонними инициативами, выдвигаемыми Японией (в первую очередь ТТП-11/ВПТТП).
4. Прямое участие Японии в работе ШОС возможно лишь в отдаленном будущем, хотя такая перспектива и упоминалась в докладах, подготовленных японскими министерствами. В краткосрочной и среднесрочной перспективе участие Японии в Организации может осуществляться в формате приглашенной стороны на заседаниях ШОС и при обсуждении региональных проектов.
5. Учитывая, что недавно членами ШОС стали Индия и Пакистан, а Япония, как и Южная Корея, заинтересована в расширении регионального сотрудничества, представляется целесообразным рассмотреть возмож-

ность создания более представительной платформы для обсуждения вопросов евразийской региональной безопасности в расширенном формате.

6. Отсутствие взаимодействия между Японией и Евразийской экономической комиссией препятствует конструктивному сотрудничеству. Япония должна установить формальные или неформальные рабочие отношения с Союзом и искать возможности сотрудничества. Конечной целью может быть подписание соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Японией; примером для Японии могут стать уже действующее соглашение с Вьетнамом и возможные будущие соглашения с Китаем, Индией, Сингапуром, Израилем и другими странами. Японские лидеры должны понимать, что это будет, в первую очередь, политическим шагом, укрепляющим российско-японские отношения и, соответственно, целью, к которой следует стремиться, даже если подобное соглашение не будет выглядеть достаточно привлекательным с экономической точки зрения.
7. Южнокорейская модель сотрудничества на региональном уровне с ЕАЭС может быть представлена японским министерствам как передовой опыт и мотивировать их на разработку аналогичной политики, чтобы не допустить отставания Японии от регионального тренда.
8. Со стороны ЕАЭС может возникнуть необходимость в организации информационных сессий по международной деятельности для японских предпринимателей в Москве, участие в которых смогут принять представители других региональных партнеров, включая Китай, Южную Корею и Индию. Возможность превращения этих мероприятий в некий специализированный бизнес-форум с акцентом на евразийское сотрудничество может стать дополнительным преимуществом как для Японии, которая увеличит свой достаточно ограниченный портфель активов в многостороннем сотрудничестве в Евразии, так и для ЕАЭС и, в частности, России, которые выигрывают как организаторы этого нового формата.
9. Политическим лидерам и руководителям бизнеса Японии следует по возможности продолжать принимать участие в регулярных деловых мероприятиях, проводимых в России, в частности в ежегодном Петербургском международном экономическом форуме и Восточном экономическом форуме. Необходимо учитывать, что подобные форумы могут стать площадкой для развития сотрудничества Японии не только с Россией, но и на евразийском пространстве в целом.
10. Новый формат евразийского сотрудничества должен стремиться к вовлечению в диалог поколения молодых ученых и политиков и поощрять культурные обмены для расширения общественной базы взаимодействия Японии с Евразией.
11. Ориентированность российско-японских отношений на двусторонний формат в значительной степени обусловила общую направленность академических исследований по ним в обеих странах. Поскольку отсутствие взаимопонимания на уровне экспертов может стать серьезным

препятствием для любых дальнейших действий, следует содействовать проведению исследований по многостороннему сотрудничеству в Евразии. Необходимо организовать проведение совместных семинаров, конференций и аналитических исследований по региональному измерению российско-японских отношений. Привлечение к этой работе ученых из западных стран будет способствовать достижению целей таких мероприятий в открытом формате.

Об авторах

Нелидов Владимир Владимирович – преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН.

Кадзусигэ Кобаяси – докторант Женевского высшего института международных исследований и развития, эксперт Российского совета по международным делам.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995–1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Российский совет по международным делам

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЯПОНИИ В ЕВРАЗИИ

Рабочая тетрадь № 43/2018

Верстка – О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:

справа наверху – Donat Sorokin/TASS Host Photo Agency/Pool via REUTERS/Pixstream;

справа внизу – Flickr / Eiichi Kimura CC BY-NC-ND 4.0;

слева внизу – PA-EFE/SERGEI CHIRIKOV / Vostock Photo.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,25. Тираж 150 экз.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru